

УДК 94 (470)

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-65-74

Ирина Владимировна Грибан,

кандидат исторических наук,

Уральский государственный педагогический университет

(620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26),

e-mail: gribanirina@gmail.com

Проблема происхождения Второй мировой войны в польской историографической традиции¹

Проблема происхождения Второй мировой войны, ставшей ключевым событием в истории XX века, на протяжении десятилетий остаётся значимой для историков всех стран, принимавших непосредственное или косвенное участие в войне. В преддверии юбилейных дат и годовщин (70-летие окончания Второй мировой войны в 2015 г., 75-летие начала Великой Отечественной войны в 2016 г.), в условиях обострившейся в связи с украинским кризисом международной обстановки, события 1939–1941 годов и история их интерпретации приобретают особую актуальность и политическую остроту. В статье проанализирован процесс развития польской историографии предыстории и начального периода Второй мировой войны. Выделены этапы изучения проблемы происхождения войны польскими историками. Определены ключевые для польской исторической науки вопросы: насколько оправданной была политика руководства Польши в условиях международного политического кризиса 1939 года; могла ли Польша в 1939 году избежать катастрофы – очередного раздела; какие альтернативы были у польских дипломатов? Сделан вывод о том, что современная польская историография происхождения Второй мировой войны имеет ярко выраженную национальную специфику, а истоки формирования этой историографической традиции были заложены ещё польскими историками-эмигрантами. Для Польши события 1939–1941 годов значимы до сих пор, что находит отражение как в процессе формирования исторической памяти, так и в реализуемой исторической политике.

Ключевые слова: Вторая мировая война, политика умиротворения, международный политический кризис 1939 года, советско-германские отношения 1939–1941 годов, национальные историографические традиции, историческая память, историческая политика

Вводная часть. Вторая мировая война – одно из ключевых событий XX века, – оставила свой след в исторической памяти всех европейских народов. В предыстории и истории войны для каждой страны, принявшей в ней косвенное или непосредственное участие, были свои значимые сюжеты, которые необходимо было сохранить в исторической памяти и передать грядущим поколениям, и те вопросы, осмысление которых было наиболее болезненным и затянулось на долгие годы. Одной из ключевых тем в отечественной и зарубежной историографии кануна и начального периода Второй мировой войны была и остаётся проблема происхождения самого масштабного и кровопролитного конфликта в истории человечества. Интерес к этой теме и в настоящее время не только не ослабевает, но приобретает особые политическую остроту и актуальность в условиях украинского кризиса, оказывающего

влияние на всю современную систему международных отношений: политологи, историки, журналисты, общественные деятели нередко проводят исторические аналогии, обращаясь к событиям конца 1930 – начала 1940-х годов, сравнивая современную Украину с Польшей в 1939 году [43; 46]².

Методология и методы исследования. В рамках данной статьи мы исходим из того, что на современном этапе развития историческая наука всё дальше отходит от «традиционного» историографического подхода, описания и «инвентаризации» исторических концепций, направлений и школ и стремится перейти к анализу, основанному на принципах культурно-исторической антропологии и «новой культурной истории» [14; 15]. При таком подходе предметом анализа становятся не только (и не столько) результаты профессиональной деятельности историка, но и факторы, которые влияют на его

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-01-00339 «Начало Второй мировой войны: национальные историографические традиции и историческая память»).

² Президент Польши сделал «заявку на кусок Украины» и мечтает о границах 1939 года? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/news/2015/8/10/22410871/> (дата обращения: 30.12.2016); Шамир И. Украина: а не отказаться ли от договора Молотова – Риббентропа? [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – 2013. – 24 нояб. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26163.7/3050328> (дата обращения: 30.12.2016).

историческое сознание, ценностные установки. На наш взгляд, можно говорить о том, что в настоящее время существуют чётко определяемые «национальные историографические традиции» изучения предыстории и начального периода Второй мировой войны. Понятие «историографическая традиция» возникло в рамках зарубежной (прежде всего, германской и британской) исторической науки, и в последнее время последовательно применяется в исследованиях российских учёных [8; 21; 25; 27; 28; 45; 48].

Особый интерес представляет историографическая традиция, получившая развитие в Польше – стране, для которой события 1939–1941 годов значимы до сих пор, что находит отражение как в процессе формирования исторической памяти, так и в реализуемой исторической политике. Под исторической политикой в современной литературе понимается «качественно иное, намного более интенсивное, чем обычно, вмешательство в трактовку истории той части политической элиты, которая контролирует власть в данный момент, для борьбы с внутренней оппозицией и для достижения определённых целей в деле “нациестроительства”, а также для получения определённых преимуществ в международных отношениях»¹.

Результаты исследования. Наряду с вопросами, которые привлекали внимание учёных других стран (какова роль «политики умиротворения» в развязывании Второй мировой войны, на ком лежит ответственность за срыв англо-франко-советских переговоров 1939 года, вынужденным ли шагом было советско-германское сближение и подписание пакта Молотова – Риббентропа, по чьей инициативе произошло это сближение двух противоположных с точки зрения идеологии режимов и кому оно было выгодно и т. д.), для историков Польши особую актуальность приобрели вопросы о том, оправданной ли была политика руководства Польши в условиях международного политического кризиса 1939 г.; могла ли Польша в 1939 г. избежать очередного раздела и сохранить суверенитет; были ли альтернативы у польских дипломатов?

Анализ трудов польских историков, посвящённых проблеме происхождения Второй мировой войны, позволяет выделить несколько этапов развития историографической традиции. До 1989 года в Польше, как и в других

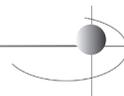
¹ Миллер А. И. Историческая политика и её особенности в Польше, Украине и России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2008. – № 5. – Режим доступа: <http://www.courier-edu.ru/cour0902/6700.htm> (дата обращения: 30.12.2016).

странах социалистического блока, интерпретация событий 1939–1941 годов практически совпадала с официальной советской версией, изложенной в опубликованной в 1948 году брошюре «Фальсификаторы истории»². В 1990 году польский журналист и историк А. Кравчук писал: «Сорок лет польская историография повторяла советские тезисы, критиковала польскую внешнюю политику 1939 года и отрицала наличие секретного протокола к пакту Молотова – Риббентропа. До середины 1980-х годов действовал категорический запрет на публикации по этой теме» [37, с. 57].

В советское время при анализе международной ситуации накануне Второй мировой войны в польских исследованиях в обязательном порядке повторялось: «Целью дипломатии СССР было создание в Европе системы коллективной безопасности, и этой цели служила советская стратегия мира» [10, с. 767]. Англо-франко-советские переговоры были сорваны вследствие «английского и французского саботажа» [36, с. 48]. Советская дипломатия не имела другого выхода, кроме как сближение с Германией и подписание договора о ненападении от 23 августа 1939 года. Польские историки должны были избегать формулировок «Пакт Молотова – Риббентропа» или «Пакт Гитлера – Сталина», этот документ назывался в литературе «советско-германским договором о ненападении», о секретных протоколах умалчивалось, советская интерпретация событий закреплялась в официальных изданиях [44; 30]. А. Кравчук отмечал, что ситуация в течение всех этих десятилетий была феноменальной: «Весь народ знал не только о договоре, но и о содержании секретного протокола. Назло пропагандистской машине и усилиям правительственных историков общественность знала всё» [37, с. 57]. М. Корнат отмечает, что некоторая либерализация, наступившая в польском обществе после 1956 года, была вряд ли ощутима для исторической науки, которая продолжала оставаться «вспомогательной наукой на службе политики», и не коснулась истории Польши предвоенного времени [36, с. 285].

В отдельное направление необходимо выделить эмигрантскую историографию – труды историков польского происхождения, живших в эмиграции и посвятивших свои исследования истории Польши и международных отношений в период между мировыми войнами. Особую роль в развитии этого на-

² *Falszerze historii (informacja historyczna)*. – М.: Wydawnictwo Literatury w Językach Obcych, 1948. – 63 p.

правления историографии, не подверженного влиянию коммунистической идеологии, сыграли публиковавшиеся в Париже издания – ежемесячный журнал “Kultura” и основанный в 1962 году кварталник “Zeszyty historyczne”. Взгляды представителей эмигрантского направления (К. Клохович, Т. Комарницки, З. Симашко и др.) значительно отличались от официальной советской точки зрения и развивались под влиянием англо-американской традиции изучения международного кризиса 1939 года и причин Второй мировой войны [32; 33; 47]. В среде польской эмиграции уже к концу 1940-х годов зародились негативные оценки советского внешнеполитического курса 1939–1941 годов. Бывший премьер-министр польского эмиграционного правительства С. Миколайчик в 1948 году издал на английском языке книгу «Насилие над Польшей: модель советской агрессии». Осуждая политику СССР, автор обвинял в трагичной судьбе Польши и западные страны, которые своим бездействием привели Польшу к катастрофе и новому разделу [42].

Вопросам внешней политики СССР в конце 1930-х годов и начальному периоду Второй мировой войны была посвящена работа польского журналиста и писателя А. Брегмана¹ «Лучший союзник Гитлера: исследование германо-советского сотрудничества в 1939–1941 гг.», опубликованная впервые в 1958 году в Лондоне, и впоследствии многократно переизданная (в последний раз – в 2009 г.). Автор подробно проанализировал процесс англо-франко-советских и советско-германских переговоров августа 1939 года. В распоряжении Брегмана был сборник документов “Nazi-Soviet Relations 1939–1941”, опубликованный в 1948 году Госдепартаментом США, поэтому при интерпретации событий он опирался, в том числе, и на секретные протоколы к советско-германским договорам². Брегман приходил к следующему выводу: «На совести Сталина много преступлений и много ошибок. Но величайшим из этих преступлений, ошибкой с наиболее чреватými последствиями был пакт с Гитлером и последующая политика. Взаимодействие СССР и Германии в 1939–1941 гг., но особенно в первый год после заключения пакта, было сотрудниче-

¹ Брегман А. (1906–1967) – польский публицист. Получил образование в Вене, Париже и Женеве. Воевал во Франции. После поражения Франции был эвакуирован в Великобританию, где остался и после окончания Второй мировой войны. Автор многочисленных публикаций по вопросам международной политики, активный участник движения за независимость Польши.

² Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Documents from the Archives German Foreign Office. – Washington: Department of State, 1948. – 402 p.

ством союзников. Не будет преувеличением сказать, что в течение длительного времени Сталин был наилучшим союзником Гитлера. Более того, он играл ведущую роль, и только летом 1940 г. инициатива перешла к Гитлеру» [23, с. 152]. Таким образом, в рамках эмигрантской польской историографии вина за развязывание войны и трагическую судьбу Польши возлагалась в равной степени на двух врагов – Германию и СССР.

Новый этап в развитии польской историографии связан с возникновением в 1980 году движения «Солидарность». В это время активизировалось изучение событий 1939–1941 годов, началась их постепенная переоценка. Характеризуя историографическую ситуацию в этот период, польские исследователи говорят о «взрыве памяти» [34, с. 286]. В 1980-е годы были изданы труды таких историков, как Х. Батовский, В. Матерский, М. Лечик, Л. Гросфельд [18; 19; 41; 39; 29]. Поскольку эти труды были написаны на основе доступных польских документов, то они в основном не отступали от традиционной советской историографии событий 1939 г. Однако к концу 1980-х годов интерес к проблеме происхождения Второй мировой войны и судьбе Польши в 1939 году был «подогрет» событиями, происходящими в СССР. Начавшийся процесс «ликвидации белых пятен истории», переработки прошлого стимулировал процесс изучения сложных вопросов истории, к которым, безусловно, относились и события 1939–1941 годов. Существенную роль в этом процессе сыграла подписанная 21 апреля 1987 года М. Горбачевым и В. Ярузельским «Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры», на основе которой была создана Совместная комиссия учёных СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами [17, с. 739]. Среди основных тем, которые рассматривала двусторонняя комиссия, был советско-германский договор о ненападении и его последствия – в первую очередь, вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года.

Историкам, привыкшим придерживаться в своих трудах «партийной линии», приходилось переосмысливать и своё собственное положение. Интересно высказывание Э. Дурачински, сказавшего в 1987 году в интервью журналу “Polityka”: «История в глазури – не история». Спустя 2 года, в 1989 году, он публикует статью «7 дней до войны», в которой впервые напишет, что по немецким источникам, к советско-германскому договору о ненападении прилагался секретный протокол,

который предусматривал разделение сфер влияния в Восточной Европе [34, с. 287].

Характерной чертой польской историографии предыстории и начального периода Второй мировой войны в начале 1990-х годов стало то, что большое внимание историками уделялось вопросу о согласии Польши на проход Красной Армии через её территорию в случае войны (вопрос, который стал поводом для срыва англо-франко-советских военных переговоров в августе 1939 г.). Традиционно советская (а вслед за ней – и российская) историография негативно оценивала позицию Польши по данному вопросу [12, с. 57]. В современной польской историографии преобладает мнение, что независимо от позиции Польши переговоры не имели шансов на успех. Так, Х. Батовский в статьях, опубликованных после 1989 года, доказывал, что «стремление Германии и СССР убрать Польшу с карты Европы было задачей, глубоко укоренившейся в политике обеих держав в межвоенный период». Советско-германский пакт о ненападении стал всего лишь инструментом для реализации плана, который имел длинную предысторию [20, с. 532].

В 2000-е годы изучение проблемы происхождения Второй мировой войны в Польше продолжалось достаточно активно: вышли в свет монографии М. Корната, С. Дембского, Э. Дурачински [35; 24; 26]. Для исторической науки и польского общества одним из важнейших оставался вопрос о том, могла ли Польша избежать раздела в 1939 году. Как отмечает Э. Дурачински, из польских историков только Е. Лойек утверждал, что Польша могла избежать раздела, приняв требования Берлина в октябре 1938 года и марте 1939 года [40, с. 155].

Изучению событий кануна и начального периода Второй мировой войны способствовало создание в 2002 году «Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений» [16, с. 6]. Сопредседателем этого межгосударственного коллектива историков с российской стороны стал ректор МГИМО, академик РАН А. В. Торкунов, а с польской – бывший министр иностранных дел Польши и член Совета национальной безопасности при Президенте Республики Польша, председатель международного консультативного комитета при Польском институте международных дел профессор А. Д. Ротфельд¹. Результатом деятельности

¹ Группа по сложным вопросам: российско-польские отношения на новом уровне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/news/social_news/document168601.phtml (дата обращения: 30.12.2016); Российско-польская группа по сложным вопросам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru>.

группы стала публикация двух сборников трудов по проблемным вопросам российско-польской истории, к которым относятся и события 1939–1941 годов.

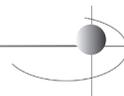
К 70-летней годовщине начала Второй мировой войны в 2009 году был опубликован сборник «Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков» [38]. Во введении авторы-составители заявляли: «Кризис 1939 г. рассматривается как явление комплексное и многоплановое, развитие которого обусловили политические, дипломатические, военные, идеологические и психологические процессы и факторы. Внимание авторов было сосредоточено не только на политике Третьего рейха, Советского Союза, Польши, Великобритании и Франции, но и на более широком контексте европейской политики» [11, с. 6].

В 2010 году коллектив российско-польской Группы по сложным вопросам истории выпустил фундаментальный труд с «говорящим» названием: «Белые пятна – чёрные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях» [1; 22]². Несмотря на то, что позиции польских историков по многим вопросам отличались от взглядов современных российских учёных, безусловно позитивным моментом является стремление к диалогу и поиску интерпретаций, приемлемых для общества обеих стран.

Обсуждение результатов исследования. Среди ключевых тем, получивших освещение в книге, была и проблема происхождения Второй мировой войны. В обобщённом виде позицию современных польских историков по ключевым вопросам кануна и начального периода войны можно представить следующим образом.

Основную ответственность за развязывание войны исследователи возлагают на Германию, подчёркивая, что «к войне привела агрессивная политика канцлера Германии Адольфа Гитлера, поддерживаемая всеми массами немецкого народа» [6, с. 166]. Вместе с тем, польские исследователи отмечают и крайне негативную роль «политики умиротворения»: «Политика Гитлера была направлена на развязывание новой войны; в то же время ответственность за ошибочность выбора методов защиты Европы от все более явной угрозы» [11, с. 6].

² В июле 2015 г. в издательстве Питтсбургского университета было опубликовано англоязычное издание этой книги.

зы войны лежит на английских и французских создателях "appeasement policy"» [7, с. 156]. По мнению Э. Дурачински, положение дел в конце 1930-х годов в мире было крайне напряжённым, но не все страны были готовы трезво оценивать ситуацию: «Главными фигурами зреющей европейской, а, может быть, и мировой драмы, должны были стать великие державы. Первыми ее жертвами были Австрия, Чехословакия и Польша... Варшава могла сыграть одну из ключевых ролей в международной игре» [7, с. 157]. В отличие от многих историков бывших стран социалистического блока, Э. Дурачински обращает внимание на значительную роль Мюнхенского соглашения в развязывании Второй мировой войны, отмечая, что Мюнхенский договор, подписанный 29 сентября 1938 года, придавал международным отношениям совершенно иное качество, и именно после этого соглашения процесс дестабилизации в Европе преодолел критическую отметку. Мюнхенский договор Дурачински называет «уродливым детищем», «бастардом агрессоров из Берлина, поддержанных фашистами из Рима и тех, кто проводил „политику умиротворения“» [7, с. 157].

Единственным альтернативным вариантом развития событий в 1939 году и способом избежать войны польские историки считают англо-франко-советский союз. Ответственность за срыв англо-франко-советских переговоров польские историки возлагают на советское руководство: «Учитывая развитие политической ситуации в Европе летом 1939 г., сдержать рвущегося к войне с Польшей Гитлера можно было только путем реального англо-франко-советского сотрудничества, основанного на однозначных гарантиях уважения Советским Союзом суверенитета и территориальной целостности всех его соседей. Но Сталин был в этом никак не заинтересован» [6, с. 193]. М. Волос считает, что тройственные переговоры были для Сталина всего лишь инструментом давления на Германию [3, с. 196].

В оценке советско-германского договора о ненападении среди современных польских историков нет единства. По мнению Э. Дурачински, главной целью Сталина было возвращение России статуса великой державы, который у неё был до Первой мировой войны: «От Запада Сталин мог получить много, но от Германии неизмеримо больше» [7, с. 160]. Автор отмечает, что союз с Гитлером давал не только реальные территориальные приобретения у западных границ СССР, но и ослабление союза Берлин – Токио, ликвидировал угрозу со стороны Японии [7, с. 160].

Директор Польского института международных дел С. Дембский подчёркивает, что нельзя сравнивать или ставить в один ряд Мюнхенское соглашение и пакт Молотова – Риббентропа, поскольку при подписании первого участники были намерены спасти мир в Европе, а целью СССР и Германии, заключивших договор о ненападении от 23 августа 1939 года, была война [5, с. 80]. По мнению Дембского, отличаются и результаты: «Мюнхенский договор не смог спасти мир, пакт Молотова – Риббентропа облегчил Гитлеру развязывание войны» [5, с. 80]. Таким образом, ответственность за начало Второй мировой войны возлагается на Германию и СССР. Оценивая последствия советско-германского сближения, Дембский замечает, что не только Германия, но и СССР нарушил международные договоры и совершил акт агрессии против Польши [5, с. 79]. С ним солидарны Я. Войтковяк, М. Волос, А. Гловацкий, М. Корнат, А. Пшевозьник [2; 3; 4; 9; 13].

Необходимо отметить, что в трагичных событиях, произошедших в сентябре 1939 года с Польшей, историки обвиняют и польских политиков, критикуя «политику равного удаления», которая «должна была обеспечить Польше стабильное чувство безопасности, сохранения её суверенитета и территориальной целостности» [7, с. 155]. Однако, как отмечает Дембский, «политика мирного соседства и "равного удаления" Польши от Берлина и Москвы оказалась конструкцией настолько непрочной, что при столкновении с имперскими устремлениями Гитлера и Сталина рухнула» [6, с. 160]. Вместе с тем, большинство польских авторов отмечают, что от позиции польского руководства в 1939 году вряд ли что-то зависело, и Польша не могла повлиять на внешнюю политику соседей [34, с. 289].

В целом события 1939–1941 годов остаются значимыми не только для польской исторической науки, но и для исторической памяти современной Польши. Как отмечает М. Корнат, центральное место в памяти поляков о начальном периоде Второй мировой войны занимает пакт Молотова – Риббентропа: во-первых, он символизирует собой конец независимости польского государства и начало нового этапа истории польского народа, во-вторых, является напоминанием о драматичном опыте сентября 1939 года, который связан с бездействием и провалом собственной внешней политики, не имевшей шансов предотвратить катастрофу; в-третьих, пакт остаётся примером нарушения международных договоренностей, а также аргументом, подтверждающим тезис о том,

что геополитика в международных отношениях играет большую роль, чем идеология [34, с. 279–280]. Судьба Польши после начала Второй мировой войны является основанием для уравнивания политики Сталина и Гитлера, подчёркивания сходства двух тоталитарных систем [49; 31].

События 1939 года остаются для Польши «актуальной историей», вследствие чего изучение этой темы неизбежно испытывает на себе влияние политики. Так, «потепление» в российско-польских отношениях, позитивно сказавшееся на сотрудничестве историков двух стран, продолжалось недолго. Украинский кризис отразился не только на политических и экономических отношениях России с Польшей, но и на культурной сфере. В 2014 году Варшава в одностороннем порядке отказалась от участия в запланированных на 2015 год «перекрёстных» Годах России в Польше и Польши в России¹. Негативно влияет на российско-польские отношения и мемориальная политика польского руководства. Так, по данным МИД Российской Федерации, в 2016 году в Польше были демонтированы 7 памятников советским воинам, кроме того, было зафиксировано 15 случаев вандализма на советских мемориальных объектах². Вместе с тем, в 2015 году, несмотря на напряжённую внешнеполитическую обстановку, при участии Российско-польского центра диалога и согласия и российско-польской комиссии историков был проведён ряд научных мероприятий (презентация коллективной монографии «Россия и Польша. История общая и разобщённая», Международная научная конференция «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии»)³. Историки обеих стран продемонстрировали готовность к сотрудничеству и стремление к поиску исторической истины, чего, к сожалению, нельзя сказать о политиках.

Заключение. Анализ трудов польских историков, посвящённых проблеме проис-

хождения Второй мировой войны, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, процесс развития польской историографии прошёл несколько этапов. В 1940–1970-е годы доминировала версия событий, сформулированная в рамках советской историографии. Вина за развязывание войны возлагалась на западную дипломатию, советско-германское сближение считалось мудрым и неизбежным шагом, а секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа не упоминались. Отдельно выделяются труды историков в эмиграции, которые заложили основы для формирования национальной историографической традиции. В 1980–1990-е годы начинается новый этап в развитии историографии, что было обусловлено политическими переменами – возникновением «Солидарности» в Польше и перестройкой в СССР. Расширение источниковой базы, признание советским руководством факта существования секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору о ненападении, стимулировали процесс изучения причин возникновения Второй мировой войны. В начале XXI века активно развивалось сотрудничество российских и польских историков в изучении событий кануна и начального периода Второй мировой войны. По многим вопросам удалось добиться сближения позиций. Несмотря на сильнейшие анти-российские настроения и активную русофобскую политику в современной Польше, историки готовы к сотрудничеству и диалогу.

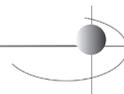
Во-вторых, ключевыми для польской исторической науки остаются следующие вопросы: насколько оправданной была политика руководства Польши в условиях международного политического кризиса 1939 года; могла ли Польша в 1939 году избежать катастрофы – очередного раздела; какие альтернативы были у польских дипломатов?

В-третьих, современная польская историография происхождения Второй мировой войны имеет свою национальную специфику, а истоки формирования этой историографической традиции были заложены ещё польскими историками-эмигрантами. Центральное место в этой традиции занимает пакт Молотова – Риббентропа, ставший для поляков «местом памяти», символом национальной катастрофы. Для Польши события 1939–1941 годов значимы до сих пор, что находит отражение как в процессе формирования исторической памяти, так и в реализуемой исторической политике.

¹ Российско-польские отношения (справка) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/maps/pl?currentpage=main-country> (дата обращения: 30.12.2016).

² Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с демонтажом Памятника благодарности в польском г. Ланьцут [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl/-/asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/2578299 (дата обращения: 30.12.2016).

³ Мастеров В. Историк России и Польши подтвердили научные связи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rospolcentr.ru/meropriyatya/forumy-konferentsii-festivali/istoriki-rossii-i-polshi-podtverdili-nauchnye-svyazi/> (дата обращения: 13.10.2016).

Список литературы

1. Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / В. Г. Барановский и [др.]; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с.
2. Войтковяк Я. Советско-польский вооружённый конфликт в сентябре 1939 года // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 446–478.
3. Волос М. Внешняя политика СССР в 1938–1939 годах // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 182–206.
4. Гловацкий А. Польша между СССР и Германией. 1939–1941 // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 230–280.
5. Дембский С. Мюнхенское соглашение и пакт Риббентропа – Молотова через семьдесят лет: проблемы, интерпретации, влияние // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 46–82.
6. Дембский С. Происхождение Второй мировой войны // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 165–201.
7. Дурачински Э. Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР: материалы междунар. конф. М.: Права человека, 2006. С. 153–180.
8. Земцов В. Н. Бородинское сражение в современной зарубежной историографии // Бородино в истории и культуре: материалы междунар. науч. конф. Можайск, 2010. С. 26–33.
9. Корнат М. Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 349–407.
10. Корнат М. Современная историография российско-польских отношений // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 767–813.
11. Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / М. Волос [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2009. 480 с.
12. Мягков М. Ю. От Мюнхенского соглашения до подписания советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М.: Права человека, 2006. С. 47–60.
13. Пшевозьник А. Катынское преступление // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 304–338.
14. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
15. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 8–25.
16. Торкунов А. В., Ротфельд А. Д. Размышления о прошлом с мыслью о будущем // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 5–14.
17. Яжборовская И. С. Современная историография российско-польских отношений // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 737–766.
18. Batowski H. Agonia pokoju i początek wojny. Sierpień – wrzesień 1939. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 1984. 511 p.
19. Batowski H. Rok 1938 – dwie agresje hitlerowskie. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 1985. 550 p.
20. Batowski H. 17 September 1939: Before and after // East European Quarterly. 1993. Vol. 23, No. 4. P. 523–534.
21. Berger S. A Return to the National Paradigm? National History Writing in Germany, Italy, France and Britain from 1945 to the Present // Journal of Modern History. 2005. No. 3. P. 629–678.
22. Białe plamy – Czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008). Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2010. 907 p.
23. Bregman A. Najlepszy sojusznik Hitlera: studium o współpracy niemiecko-sowieckiej 1939–1941. L.: Orbis, 1958. 160 p.
24. Dembski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2003. 800 p.
25. Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewußtsein. Erinnerung, Geschichte, Identität 2 / Hrsg. von J. Rüsen und J. Straub. Frankfurt; M.: Suhrkamp Verlag, 1998. 452 p.
26. Duraczyński E. Polska 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999. 534 p.
27. Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2005. 205 p.
28. Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch. Stuttgart; Weimar: Metzler Verlag, 2010. 360 p.
29. Grosfeld L. Polskie aspekty stosunków niemiecko-sowieckich w okresie międzywojennym. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. 42 p.
30. Historia Wielkiej Wojny Narodowej Związku Radzieckiego, 1941–1945. Wydawn: Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965. Vol. 3. 128 p.

31. Hryciuk G. Die Illusion der Freiheit. Belarussen und Ukrainer im September 1939 // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 173–186.
32. Klochowicz K. Cztery niedotrzymane pakty. L.: Gryf, 1965. 183 p.
33. Komarnicki T. Jałtański rozbiór Polski w świetle prawa narodów // Jałta wczoraj i dziś. Wybór publicystyki 1944–1985. L.: Gryf, 1988. P. 51–96.
34. Kornat M. Der Pakt: Ideologie und Wahrheit. Erinnerung in der Volksrepublik Polen und heute // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 279–294.
35. Kornat M. Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Mołotow. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2002. 810 p.
36. Kornat M. Sehenden Auges. Polens Außenpolitik vor dem Hitler-Stalin-Pakt // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 47–74.
37. Krawczyk A. Polnische Reaktionen auf internationale Ereignisse im Sommer 1939 // Der Hitler-Stalin-Pakt: Voraussetzungen, Hintergründe, Auswirkungen. Dokumentation eines Symposiums. Wien: Picus Verl., 1990. P. 52–59.
38. Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2009. 479 p.
39. Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1932–1935. Warszawa: PWN, 1982. 379 p.
40. Łojek J. Agresja 17 września 1939: Studium aspektów politycznych. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 1990. 254 p.
41. Materski W. ZSRR i zbiorowe bezpieczeństwo. Liga Narodów – ONZ. Wydawn: Minist. Obrony Nar., 1984. 241 p.
42. Mikolajczyk S. The rape of Poland: pattern of Soviet aggression. New York: Whittlesey House, 1948. 338 p.
43. Miodek M. "Das ist ein neuer Ribbentrop-Mołotow-Pakt!". Eine historische Analogie in Polens Energiedebatte // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 295–306.
44. Przeciwno fałszowaniu historii drugiej wojny światowej: zbiór artykułów. Warszawa: Książka i Wiedza, 1966. 501 p.
45. Schorkowitz D. Clio und Natio im östlichen Europa // Historische Zeitschrift. 2004. No. 1. P. 1–33.
46. Sechs russische Mythen über den Hitler-Stalin-Pakt // Ukraine Nachrichten [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ukraine-nachrichten.de/sechs-russische-mythen-ueber-den-hitler-stalin-pakt_4088_politik (дата обращения: 30.12.2016).
47. Siemaszko Z. S. W sowieckim osaczeniu, 1939–1943. L.: Polska Fundacja Kulturalna, 1991. 439 p.
48. Troebst S. Geschichtsregionen: Concept and Critique // Special Issue European Review of History. 2003. No. 2.
49. Wnuk R. Polen zwischen Scylla und Charybdis. Deutsche und sowjetische Besatzung 1939–1941 // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 157–172.

Статья поступила в редакцию 15.01.2017; принята к публикации 27.02.2017

Библиографическое описание статьи

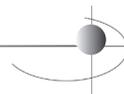
Грибан И. В. Проблема происхождения Второй мировой войны в польской историографической традиции // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 65–74. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-65-74.

Irina V. Griban,
 Candidate of History,
 Ural State Pedagogical University
 (26 pr. Kosmonavtov, Yekaterinburg, 620017, Russia),
 e-mail: gribanirina@gmail.com

The Origin of the Second World War in the Polish Historiographical Tradition¹

The beginning of WWII, which is the main event of the 20th century, has been topical for scholars in the field of history for several decades. It is especially interesting for those scientists whose countries took an active part in it. Facing its anniversaries (in 2015, we celebrated the 70th anniversary of the end of WWII and in 2016, we celebrated the 75th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War) and dealing with the Ukrainian crisis, the events of 1939–1941 and their interpretation are especially important today. The paper describes the development of Polish historiography of the background and the beginning of WWII. The stages in the study of the genesis of the War by Polish historians are singled out. The key issues of the Polish history of war are revealed, among them: justification of the Polish policy in international political crisis in 1939; the questions of territorial partition for Poland which was the disaster; the alternatives Polish diplomats had. A conclusion is made that contemporary Polish historiography

¹ The research was financially supported by the Russian Foundation for Humanities (Project No 15-01-00339 "The Beginning of the Second World War: national historiographic traditions and historical memory").

of the beginning of WWII has national features, while the sources of such historiographical tradition were set by the Polish historians-emigrants. The events of 1939–1941 are still very important for Poland, which is proved by the attempts of historical memory formation and by the contemporary historical policy.

Keywords: World War II, policy of appeasement, international political crisis of 1939, Soviet-German relations 1939–1941, historiographic traditions, historical memory, historical policy

References

1. Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniakh / V. G. Baranovskii i [dr.]; pod obshch. red. A. V. Torkunova, A. D. Rotfel'da; otv. red. A. V. Mal'gin, M. M. Narinskii. M.: Aspekt Press, 2010. 823 s.
2. Voitkovyay Ya. Sovetsko-pol'skii vooruzhennyi konflikt v sentyabre 1939 goda // Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov. M.: Aspekt Press, 2009. S. 446–478.
3. Volos M. Vneshnyaya politika SSSR v 1938–1939 godakh // Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov. M.: Aspekt Press, 2009. S. 182–206.
4. Glovatskii A. Pol'sha mezhdru SSSR i Germaniei. 1939–1941 // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 230–280.
5. Dembskii S. Myunkhenskoe soglasenie i pakt Ribbentropa – Molotova cherez sem'desyat let: problemy, interpretatsii, vliyaniye // Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov. M.: Aspekt Press, 2009. S. 46–82.
6. Dembskii S. Proiskhozhdenie Vtoroi mirovoi voiny // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 165–201.
7. Durachinski E. Vneshnyaya politika Pol'shi (1939–1941): usloviya, vozmozhnosti, tseli i rezul'taty // Mezhdunarodnyi krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniya Germanii na SSSR: materialy mezhdunar. konf. M.: Prava cheloveka, 2006. S. 153–180.
8. Zemtsov V. N. Borodinskoe srazhenie v sovremennoi zarubezhnoi istoriografii // Borodino v istorii i kul'ture: materialy mezhdunar. nauch. konf. Mozhaisk, 2010. S. 26–33.
9. Kornat M. Pol'sha mezhdru Germaniei i Sovetskim Soyuzom (1938–1939). Politicheskie kontseptsii ministra Yu. Beka i mezhdunarodnaya obstanovka // Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov. M.: Aspekt Press, 2009. S. 349–407.
10. Kornat M. Sovremennaya istoriografiya rossiisko-pol'skikh otnoshenii // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 767–813.
11. Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov / M. Volos [i dr.]. M.: Aspekt Press, 2009. 480 s.
12. Myagkov M. Yu. Ot Myunkhenskogo soglaseniya do podpisaniya sovetsko-germanskogo dogovora ot 23 avgusta 1939 g.: predystoriya voprosa // Mezhdunarodnyi krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniya Germanii na SSSR. M.: Prava cheloveka, 2006. S. 47–60.
13. Pshevoz'nik A. Katynskoe prestuplenie // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 304–338.
14. Repina L. P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya. M.: Izd-vo LKI, 2009. 320 s.
15. Ryuzen I. Utrachivaya posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati) // Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noi istorii. 2001. Vyp. 7. S. 8–25.
16. Torkunov A. V., Rotfel'd A. D. Razmyshleniya o proshlom s mysl'yu o budushchem // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 5–14.
17. Yazhborovskaya I. S. Sovremennaya istoriografiya rossiisko-pol'skikh otnoshenii // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 737–766.
18. Batowski H. Agonia pokoju i poczatek wojny. Sierpień – wrzesień 1939. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 1984. 511 p.
19. Batowski H. Rok 1938 – dwie agresje hitlerowskie. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 1985. 550 p.
20. Batowski H. 17 September 1939: Before and after // East European Quarterly. 1993. Vol. 23, No. 4. P. 523–534.
21. Berger S. A Return to the National Paradigm? National History Writing in Germany, Italy, France and Britain from 1945 to the Present // Journal of Modern History. 2005. No. 3. P. 629–678.
22. Biale plamy – Czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008). Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2010. 907 p.
23. Bregman A. Najlepszy sojusznik Hitlera: studium o współpracy niemiecko-sowieckiej 1939–1941. L.: Orbis, 1958. 160 p.
24. Dembski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2003. 800 p.
25. Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewußtsein. Erinnerung, Geschichte, Identität 2 / Hrsg. von J. Rüsen und J. Straub. Frankfurt; M.: Suhrkamp Verlag, 1998. 452 p.
26. Duraczyński E. Polska 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999. 534 p.

27. Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2005. 205 p.
28. Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch. Stuttgart; Weimar: Metzler Verlag, 2010. 360 p.
29. Grosfeld L. Polskie aspekty stosunków niemiecko-sowieckich w okresie międzywojennym. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. 42 p.
30. Historia Wielkiej Wojny Narodowej Związku Radzieckiego, 1941–1945. Wydawn: Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965. Vol. 3. 128 p.
31. Hryciuk G. Die Illusion der Freiheit. Belarussen und Ukrainer im September 1939 // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 173–186.
32. Klochowicz K. Cztery niedotrzymane pakty. L.: Gryf, 1965. 183 p.
33. Komarnicki T. Jałtański rozbiór Polski w świetle prawa narodów // Jałta wczoraj i dziś. Wybór publicystyki 1944–1985. L.: Gryf, 1988. P. 51–96.
34. Kornat M. Der Pakt: Ideologie und Wahrheit. Erinnerung in der Volksrepublik Polen und heute // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 279–294.
35. Kornat M. Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Mołotow. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2002. 810 p.
36. Kornat M. Sehenden Auges. Polens Außenpolitik vor dem Hitler-Stalin-Pakt // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 47–74.
37. Krawczyk A. Polnische Reaktionen auf internationale Ereignisse im Sommer 1939 // Der Hitler-Stalin-Pakt: Voraussetzungen, Hintergründe, Auswirkungen. Dokumentation eines Symposiums. Wien: Picus Verl., 1990. P. 52–59.
38. Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2009. 479 p.
39. Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1932–1935. Warszawa: PWN, 1982. 379 p.
40. Łojek J. Agresja 17 września 1939: Studium aspektów politycznych. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 1990. 254 p.
41. Materski W. ZSRR i zbiorowe bezpieczeństwo. Liga Narodów – ONZ. Wydawn: Minist. Obrony Nar., 1984. 241 p.
42. Mikolajczyk S. The rape of Poland: pattern of Soviet aggression. New York: Whittlesey House, 1948. 338 p.
43. Miodek M. "Das ist ein neuer Ribbentrop-Molotov-Pakt!". Eine historische Analogie in Polens Energiedebatte // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 295–306.
44. Przeciwno fałszowaniu historii drugiej wojny światowej: zbiór artykułów. Warszawa: Książka i Wiedza, 1966. 501 p.
45. Schorkowitz D. Clio und Natio im östlichen Europa // Historische Zeitschrift. 2004. No. 1. P. 1–33.
46. Sechs russische Mythen über den Hitler–Stalin–Pakt // Ukraine Nachrichten [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ukraine-nachrichten.de/sechs-russische-mythen-ueber-den-hitler-stalin-pakt_4088_politik (data obrashcheniya: 30.12.2016).
47. Siemaszko Z. S. W sowieckim osaczeniu, 1939–1943. L.: Polska Fundacja Kulturalna, 1991. 439 p.
48. Troebst S. Geschichtsregionen: Concept and Critique // Special Issue European Review of History. 2003. No. 2.
49. Wnuk R. Polen zwischen Scylla und Charybdis. Deutsche und sowjetische Besatzung 1939–1941 // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 157–172.

Received: January 15, 2017; accepted for publication February 27, 2017

Reference to the article

Griban I. V. The Origin of the Second World War in the Polish Historiographical Tradition // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 65–74. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-65-74.